

Библиографические ссылки:

1. Šikula M. Ekonomický vývoj samostatného Slovenska // Pohľady na slovenskú politiku po roku 1989 // M. Pekník a kol. Č. II. Bratislava : Ústav politických vied SAV, VEDA, Vzdavateľstvo SAV, 2016. S. 325–363.
2. Результаты трансформации в странах Центральной и Восточной Европы (общественно-политический и экономический аспекты) / отв. ред. Н.В. Куликова. М. : ИЭ РАН, 2013. 392 с.
3. Výročná správa 2008 // Národná banka Slovenska. URL: https://www.nbs.sk/_img/Documents/_Publikacie/VyrocnaSprava/VSNBS08.pdf. Date of access: 09.09.2019.
4. Buček J. The financial and economic crisis in Slovakia – its spatial aspects and policy responses // Financial Crisis in Central and Eastern Europe: From Similarity to Diversity. Warsaw: Scholar, Editors: Gorzelak, Goh. P. 192–211.
5. Гребенюк А. Jaguar Land Rover открыл завод в Словакии // Автомания (Автоновости). URL: <https://avtomaniya.com/site/publication-full/16092>. Дата доступа: 31.08.2019.
6. Výročná správa 2010 // Národná banka Slovenska. URL: https://www.nbs.sk/_img/Documents/_Publikacie/VyrocnaSprava/VSNBS08.pdf. Date of access: 09.09.2019.
7. Stav priamych zahraničných investícií v Slovenskej Republike, 2011. URL: <https://www.nbs.sk/sk/statisticke-udaje/statistika-platobnej-bilancie/priame-zahranicne-investicie>. Date of access: 03.09.2019.
8. Proexportná politika Slovenskej republiky Na roky 2007–2013 // Ministerstvo hospodárstva (MH) SR. URL: https://www.mzv.sk/documents/10182/11595/proexportna_politikaSR_+2007_2013.pdf. Date of access: 03.09.2019.
9. Program stability Slovenskej Republiky na roky 2009 až 2012 // Ministerstvo financií Slovenskej Republiky. URL: https://ec.europa.eu/economy_finance/economic_governance/sgp/pdf/20_scps/2009-10/01_programme/sk_2010-01-29_sp_sk.pdf. Date of access: 10.08.2019.
10. Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2011–2013 гг. // отв. ред. И.И. Орлик. М.: ИЭ РАН, 2014. 336 с.
11. Programové vyhlásenie vlády Slovenskej republiky. Máj 2012. URL: <https://www.vlada.gov.sk/trvalo-udrzatelny-hospodarsky-rozvoj/> Date of access: 10.08.2019.

УДК 940.5(063)

БОЛГАРСКО-РУМЫНСКИЙ КОНФЛИКТ ВОКРУГ ЮЖНОЙ ДОБРУДЖИ И МЮНХЕНА ДО НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (СЕНТЯБРЬ 1938 – СЕНТЯБРЬ 1939 Г.): СОВЕТСКИЙ И ЕВРОПЕЙСКИЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

А. П. Сальков

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь; anatsalkov@mail.ru*

Болгарско-румынский конфликт в Южной Добрудже обострился после Салоникского соглашения и Мюнхенских решений. Попытки Софии урегулировать конфликт на уровне отношений с Балканской Антантой, а также стремление всех балканских политических игроков побудить Румынию к уступке края не дали результатов. Советский Союз обозначил оживление своего балканского внешнеполитического вектора. С началом Второй мировой войны сложились новые условия в борьбе за блоковую принадлежность Болгарии, которые обусловили способ и формат решения проблемы Южной Добруджи.

Ключевые слова: болгарско-румынский конфликт; Южная Добруджа; канун Второй мировой войны; политика СССР на Балканах.

**BULGARIAN-ROMANIAN CONFLICT AROUND SOUTHERN DOBRUJA
FROM MUNICH TO THE BEGINNING OF THE SECOND WORLD WAR
(SEPTEMBER 1938 – SEPTEMBER 1939): SOVIET
AND EUROPEAN FOREIGN POLICY FORMAT**

A. P. Salkov

Belarusian State University, Niezavisimosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus; anatsalkov@mail.ru

The Bulgarian-Romanian conflict around Southern Dobruja escalated after the Thessaloniki agreement and the decisions of the Munich Conference. Sofia's attempts to resolve the conflict at the level of relations with the Balkan Entente, as well as the desire of all Balkan political players to induce Romania to cede the territory, have not yielded results. The Soviet Union marked the revival of its Balkan foreign policy vector. With the outbreak of World War II, new conditions developed in the struggle for the bloc affiliation of Bulgaria, which determined the method and format of solving the problem of Southern Dobrudja.

Keywords: Bulgarian-Romanian conflict; Southern Dobruja; the eve of World War II; USSR policy in the Balkans.

Болгарско-румынский национально-территориальный конфликт в Добрудже имел многовековую драматичную историю [12, с. 204–213]. По итогам Второй Балканской (1913) и Первой мировой войн спорный регион Южной Добруджи отошел к Румынии. Она стала владеть всей Добруджей, что было закреплено Нейским мирным договором с Болгарией от 27 ноября 1919 г. Проблема приобрела в 1920–1930-х гг. особую остроту, усугубившуюся традиционными для Балкан региональными противоречиями, геополитическим соперничеством великих держав и растущими интересами СССР на Черноморском побережье Балкан. Салоникское соглашение, заключенное 31 июля 1938 г. Болгарией с её соседями, участниками Балканской Антанты, отменяло военные ограничения Нейи и декларировало обязательства о неприменении силы во взаимных отношениях. Однако соглашение, достигнутое за два месяца до Мюнхенского сговора, не разрешало спорных территориальных вопросов в регионе. Более того, оно осталось в тени Судетского кризиса и его международных последствий [13, с. 130–143].

Латентная до поры проблема Южной Добруджи оказывала влияние на всю систему международных отношений на востоке Балкан [см. 11]. Главный их вектор был локализован по линии болгарско-румынских противоречий, остро нараставших к концу 1930-х гг. [см. 16; 17]. Особое место в развитии спора из-за Добруджи продолжали занимать отношения Болгарии с Балканской Антантой. На Бухарестской конференции стран блока (февраль 1939 г.) его участники вынесли решение о сохранении всех своих границ и обязательстве их коллективной защиты. Сотрудничество же Софии с балканскими соседями в данном аспекте могло быть куплено лишь удовлетворением ее притязаний на Южную Добруджу. Болгария пыталась привлечь Турцию в качестве посредника, чтобы склонить Румынию к согласию на уступку края. Во время визита премьер-министра (с ноября 1935 по апрель 1942 г.) и министра иностранных дел (с апреля 1935 по февраль 1940 г.) Болгарии Георгия Кьосейванова в Анкару в марте 1939 г. было даже выставлено максимальное требование – восстановление границ 1913 г. [9, док. 170, с. 222; док. 210, с. 265; 10, док. 904, с. 465–466]. Однако в условиях напряженных румынско-турецких отношений комбинация с посредничеством Анкары не отвечала интересам Турции, так как та опасалась, что Болгария, получив Южную Добруджу и Западную Фракию, открыто станет на сторону Германии и явится плацдармом против Турции [15, р. 179–182].

Германия, реализуя планы закрепления на Балканах, стремилась втянуть в орбиту своей политики и Болгарию. В Софии же сложилось представление о возникшей после Версаля общности судеб с Венгрией, как двух странах, «одинаково тяжело пострадавших и территориально, и материально», главным образом, от Румынии. В марте 1939 г. крайне правый Всеболгарский союз «Отец Паисий» расклеил по всей Софии воззвание о возврате Южной Добруджи. Как писал болгарский официоз «Днес» 30 мая «Южная Добруджа стала психозом».

Председатель Народного собрания Стойчо Мошанов в интервью газете «Le Petit Parisien» указывал, что край был житницей страны, давая 16 % болгарского хлебного производства, в Румынии же этот показатель составляет только 1 %. Болгары опасались даже германских притязаний, так как в Софии распространялась немецкая карта, на которой Добруджа изображалась как немецкая территория, к тому же включавшая и Шуменскую область [1, л. 81, 93–94, 144]. Передовица в газете «Слово» за 30 августа под лозунгом «нужно разделить Румынию» развернула целую программу территориальных преобразований в пользу Болгарии (румынская Добруджа, греческая Западная Фракия, турецкая Восточная Фракия, а также Западная Македония с отрывом ее от «навечно дружественной» Югославии) и Венгрии (румынская Трансильвания и Банат, югославская Хорватия) [2, л. 54].

Проблема Добруджи увязывалась с пока еще румынской Бессарабией. Советское полпредство сообщало, что в болгарской прессе «речь идет не только о возвращении Добруджи, но упоминается даже о... “болгарской Бессарабии”», а в радиопередачах ставился вопрос о «задунайских болгарях», насчитывающих 350 тыс. в Бессарабии и 180 тыс. человек – в Украине [1, л. 14, 34]. Газета «Празнични вести» называла 29 июля 1940 г. более здравую цифру – 7 % болгар в бессарабском населении [5, л. 68-а].

В Москве считали, как следует из письма наркома иностранных дел (с июля 1930 по май 1939 г.) М. М. Литвинова советскому полпреду в Лондоне (с ноября 1932 по август 1943 г.) И. М. Майскому от 11 апреля 1939 г., что Англия ошибочно рассчитывала на готовность Румынии отказаться от Южной Добруджи в виду опасности со стороны Германии и Венгрии. Сама же Англия затеяла игру с предоставлением гарантий Польше и Румынии – каждой в отдельности, но затем попыталась поставить Бухарест в вопросе получения гарантий в полную зависимость от Варшавы. Реальная опасность для Румынии действительно существовала, хотя она и имела под ружьём 600-тысячную армию. К апрелю на западной румынской границе Венгрия сконцентрировала 300 тысяч, а на южной – Болгария 100 тысяч войск, за спиной которых стояла Германия. 13 апреля Румыния все же получила английские гарантии, над которыми А. Гитлер откровенно издевался в разговоре с румынским министром иностранных дел (с февраля 1939 по июль 1940 г.) Григоре Гафенку, утверждая, что они ничего не стоят. Поэтому Гафенку, сразу после Берлина посетивший Лондон, высказывался там на тему о большой опасности для Румынии каких-либо территориальных уступок Болгарии [8, док. 266, с. 378; док. 303, с. 412; 9, док. 210, с. 265; док. 212, с. 266–267; док. 266, с. 325].

Между тем в Болгарии, под влиянием ликвидации Германией Чехо-Словакии в марте и оккупации Италией Албании в апреле 1939 г., оживилось русофильское течение, напомнившее «историческую истину, что Германия всегда имела цель покорения балканских народов, а русское влияние на Балканах всегда гармонировало с освободительными идеалами балканцев». СССР, в свою очередь, попытался активизировать балканское направление своей политики, что выразилось в неудачной миссии заместителя наркома (с апреля 1937 по март 1940 г.) В. П. Потемкина в Турцию в апреле – мае 1939 г. По пути в Стамбул Потемкин был принят Г. Кьосейвановым, и стороны обменялись взглядами по проблеме Южной Добруджи. Кьосейванов предлагал вначале вернуть Болгарии её провинцию, утверждая, что «на большее Болгария сейчас не претендует», после чего она «вступит в сотрудничество» с Балканской Антантой. Потемкин же хотел «знать заранее», готова ли Болгария поддержать балканских соседей в случае агрессии «при условии последующего» возврата ей Южной Добруджи [8, док. 297, с. 403–404; 9, док. 220, с. 273; док. 250, с. 308].

Визит в Турцию пришелся на кардинальный излом советской внешнеполитической концепции, когда 3 мая 1939 г., по словам И. В. Сталина, «ввиду серьезного конфликта между председателем СНК т. Молотовыми и наркоминделом т. Литвиновым», была произведена кадровая перестановка. Именно в этот день еще нарком М. М. Литвинов в записке Сталину запрашивал директивы для В. П. Потемкина об условиях турецкого зондажа в Румынии относительно уступки

Добруджи, а также ставил вопрос «должен ли Потемкин и на обратном пути задерживаться в Болгарии и Румынии только от поезда к поезду или дольше?». В свою очередь, именно с 3 мая уже нарком В. М. Молотов в телеграмме Потемкину в Анкару инструктировал, что в случае германского продвижения через Румынию, Болгария может создать «смертельную опасность для Стамбула и проливов», напоминая, что в истории Стамбул «брался всегда с суши, со стороны Болгарии». Поэтому нужно добиться включения Болгарии в общий фронт против германской агрессии – «отсюда необходимость переуступки болгарам Южной Добруджи». Такой взгляд совпадал с позицией президента Турции (с ноября 1938 по май 1950 г.) Исмета Инёню, который считал необходимым «приложить все усилия, чтобы склонить Румынию, несмотря на ее колебания и личное сопротивление короля, к решению уступить Болгарии Добруджу». Это могло гарантировать «по крайней мере, нейтралитет Болгарии» На обратном пути Потемкину «не удалось избежать встречи с Гафенку». Последний «вполне определенно» заявил о принципиальной возможности возвращения Южной Добруджи Болгарии, однако Румыния «должна быть уверена, что этой ценой приобретается включение Болгарии в Балканскую Антанту» [9, док. 268–271, с. 326–328; док. 227, с. 332; док. 286, с. 343–344].

Миссия В. П. Потемкина показала, что Болгария являлась ареной противоборства двух альянсов – англо-французского и германо-итальянского. Последний подогревал ревизионистские настроения в Болгарии и старался разжечь ее вражду с Румынией. Болгария широко распространила сведения о «румынских зверствах» в Добрудже, имея в виду расстрел 23-х болгар в с. Белица в Южной Добрудже. Союз «Отец Паисий», а также просветительское общество «Добруджа» в Исперихе (поселок, названный в честь хана Аспаруха) организовали ряд массовых акций, используя их для обработки общественного мнения и разжигания ревизионистских страстей. В общественном мнении звучали мотивы, что только СССР сможет непосредственно помочь и с возвратом Добруджи, и с освобождением от немецкой кабалы, к Англии же испытывали ненависть за её бесплодные гарантии малым странам [9, док. 313, с. 376; док. 364, с. 456].

Проблемы всей Юго-Восточной Европы и Дунайско-Черноморского региона, в частности, определенно выдвинулись на передний план европейской политики. В аналитической справке II Западного отдела НКВД СССР «Дунайская проблема» от 16 июня 1939 г. отмечалось, что продвижение Германии вниз по Дунайскому бассейну со стремлением поставить страны, расположенные по обоим берегам Дуная «под экономический, политический и военный протекторат» делает ее одной из важнейших европейских проблем. Причем в прямой связи с Дунайской проблемой находится возникновение «завтрашней мировой войны» [3, л. 96].

Важнейшую дипломатическую (на грани разведывательной) информацию сообщил советскому полпреду в США К. А. Уманскому президент Чехословакии Эдвард Бенеш. Он просил передать, что вскоре последует удар на Польшу, которая воспринимается в Берлине, как уже принесенная в жертву, а затем немцы двинутся на юго-восток. При этом, как передал Уманский в телеграмме от 1 июля 1939 г., «первоначальные планы восстания и интервенции в Добрудже и Семиградье [Трансильвании. – А. С.] пока отставлены». В письме временного поверенного в делах СССР в Италии Л. Б. Гельфанда В. М. Молотову, датированному тем же 1 июля, сообщалось, что весь июнь велась борьба вокруг Болгарии. Рим и Берлин предлагали ей ряд политических и экономических благ. Англия через Турцию склоняла Румынию к возврату Добруджи Болгарии. Румыния, пребывавшая в паническом настроении, и Греция, опасавшаяся вслед за Добруджей немедленных болгарских претензий на Западную Фракию с выходом в Эгейское море, противились Англии. Гельфанд заключил, что шансы фашистского блока в этой борьбе выше, «из чего вовсе не следует, что Риму и Берлину удастся в ближайшее время толкнуть Болгарию на открытое предъявление территориальных требований» [9, док. 406, с. 519; док. 407, с. 521]. «Berliner Börsenzeitung» в статье «Закулисные переговоры о Южной Добрудже» от 12 июля 1939 г. также писала о попытках Турции с подачи Лондона побудить Г. Гафенку во время его визита в Анкару вернуть Южную

Добруджу Болгарии, о чем хлопотала и Польша. Все это расценивалось как достаточное основание для того, чтобы Германия «обращала меньше внимания на румынскую чувствительность» [3, л. 115, 117–118].

Политические отчеты советских полпредств в Софии и Берлине за 1939 г. свидетельствовали, что визит Г. Кьосейванова в Берлин в июле был крупной демонстрацией в болгаро-германских отношениях. Болгары убедились, что Германия «платонически поддерживает территориальные притязания Болгарии», причем делает это открыто, заявляя, что «Добруджа неоспоримо является болгарской землей». Обыгрывала это и германская пресса. Газета «Völkischer Beobachter» писала 5 июля, что в ходе попыток Англии вовлечь Болгарию в Балканскую Антанту, София «вспомнила о том, что именно Англия являлась той страной, которая раньше всегда препятствовала разрешению болгарских территориальных притязаний по отношению к Греции и Румынии» [10, док. 904, с. 466; док. 905, с. 481]. В справке Ближневосточного отдела НКВД «О посещении Кьосейвановым Берлина» от 15 июля отмечалось, что немцы твердо обещали помочь Болгарии вернуть Добруджу и Греческую Фракию [4, л. 39]. Москва после миссии В. П. Потемкина начала менять балканские приоритеты и проявлять повышенный интерес к Болгарии. Ярким подтверждением чего было особое радушие, оказанное в начале августа 1939 г. болгарской парламентской делегации во главе с председателем комиссии по внешней политике Георги Говедаровым. Принявший ее В. М. Молотов подробно интересовался внешней политикой Болгарии и категорически высказался за возвращение ей Южной Добруджи [7, с. 368–369].

Советско-германское сближение и пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. первоначально вызвали в Болгарии по сообщению временного поверенного в делах СССР (с апреля 1938 по сентябрь 1939 г.) Н. И. Прасолова, «недоумение и растерянность». Однако правые круги были от «такого сближения в восторге», так как оно могло вызвать «даже одобрение внешней политики Болгарии». Болгарский посланник в Москве (с 1936 по 1939 г.) Никола Антонов на приеме у заместителя наркома иностранных дел (с мая 1939 по март 1947 г.) В. Г. Деканозова 4 сентября выразил удовлетворение Софии пактом и пониманием болгарской заинтересованности «в положительном разрешении вопроса о Добрудже» [9, док. 491, с. 643].

С началом Германско-польской военной кампании и Второй мировой войны Болгария, как сообщал 6 сентября Н. И. Прасолов, решила проводить «политику резервирования и лавирования». 15 сентября он впервые за время своего пребывания в Софии был приглашен в МИД Г. Кьосейвановым, который выразил притворное сожаление, что В. П. Потемкин «не понял его» в апреле по поводу ревизионистских планов Болгарии. Тогда Кьосейванов якобы ясно указал на «несовместимость вхождения Болгарии в Балканскую Антанту с требованием о возврате Добруджи и Фракии». В ноте на имя В. М. Молотова от 16 сентября Болгария, наконец, заявила о своем нейтралитете, а 17 сентября «с небывалым подъемом и ликованием» в стране было встречено известие о переходе Красной Армией польской границы [10, док. 538, с. 23–24; док. 550, с. 34–35; док. 594, с. 92; док. 603, с. 99–100].

В новой геополитической обстановке усилились надежды Софии добиться Добруджи с помощью Москвы и Берлина. Для этого, как выразился болгарский посланник в Берлине (с 1938 по 1942 г.) Парван Драганов в разговоре с советским полпредом (с сентября 1939 по ноябрь 1940 г.) А. А. Шкварцевым 25 сентября 1939 г., «достаточно советскому полпреду в Бухаресте поугадать румын примером Польши». В Бухаресте же появление советских войск на бывшей польско-румынской границе было встречено с недоумением и тревогой [10, док. 633, с. 129; док. 638, с. 132–133].

Румыния, сделав ряд заявлений о строжайшем нейтралитете, все же сконцентрировала на новой советско-румынской границе три армейских корпуса, причем часть этих войск была переброшена из Добруджи [6, разд. 7, док. 2–4, с. 335–337; док. 7, с. 338]. Вместе с тем, министр труда Румынии Михай Раля уже 29 сентября неофициально высказывал мнение, что Болгария должна получить «свое удовлетворение территориального порядка» [14, док. 129, с. 255]. В соперничестве

великих держав, к которому пока не слишком активно подключился и СССР, Южная Добруджа становилась эвентуальной компенсацией за блоковую ориентацию Болгарии. С огромными трудностями и противоречиями события развивались в направлении двустороннего урегулирования. Оно завершилось Крайовским соглашением 7 сентября 1940 г., по которому Румыния возвратила Южную Добруджу Болгарии.

Библиографические ссылки:

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 74. Оп. 19. П. 9. Д. 6.
2. АВПРФ. Ф. 74. Оп. 19. П. 9. Д. 7.
3. АВПРФ. Ф. 74. Оп. 19. П. 9. Д. 10.
4. АВПРФ. Ф. 74. Оп. 19. П. 9. Д. 11.
5. АВПРФ. Ф. 74. Оп. 20. П. 11. Д. 22.
6. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Док. и матер. / В. Н. Виноградов, М. Д. Ерещенко, Л. Е. Семенова, Т. А. Покивайлова (авт.-сост). М. : Индрик, 1996. 380 с.
7. Валева Е. Л. Болгария в советско-германских противоречиях на Балканах // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / В. К. Волков, Л. Я. Гибианский (отв. ред.). М. : Индрик, 1999. С. 363–404.
8. Год кризиса, 1938–1939. Документы и материалы: в 2 т. / редкол.: А. П. Бондаренко [и др.]. М. : Политиздат, 1990. Т. 1: 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. 555 с.
9. Документы внешней политики СССР (ДВП). 1939 г. Т. XXII: в 2 кн. / редкол.: В. Г. Комплектов [и др.]. М. : Междунар. отношения, 1992. Кн. 1: январь – август. 712 с.
10. ДВП. 1939 г. Т. XXII: в 2 кн. Кн. 2: сентябрь – декабрь. 688 с.
11. Кузманова Антонина. От Ньои до Крайова: Въпросът за Южна Добруджа в международни отношения (1919–1940). София : Наука и изкуство, 1989. 307 с.
12. Сальков А. П. Обзор исторических предпосылок болгаро-румынского конфликта в Южной Добрудже (период Средневековья и Нового времени) // Лістападаўскія сустрэчы – XII: матэрыялы Міжнар. навук. канферэнцыі ў гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і Ў. М. Перцава: да 140-годдзя іх нараджэння (Мінск, 16–17 лістапада 2017 г.). Мінск : БДУ, 2017. С. 204–213.
13. Сальков А. П. Проблема Южной Добруджи от Нёйи до Мюнхена: версальский диктат, политика Коминтерна в крае, положение в румынском Кадрилатере (ноябрь 1918 – сентябрь 1938 г.) // Российско-Австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. VII / И. В. Крючков, О. В. Павленко (отв. ред.). Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2019. С. 130–143.
14. Советско-румынские отношения 1917–1941. Док. и матер.: в 2 т. / редкол.: А. А. Авдеев, М.-Р. Унгурияну [и др.]. М. : Междунар. отношения, 2000. Т. 2: 1935–1941. 544 с.
15. Cojocaru Ionuț. România și Turcia actori importanți în sistemul de relații interbelice (1918–1940). Târgoviște : Cetatea de Scaun, 2014. 230 p.
16. Costea Maria. Relațiile politico-diplomatice româno-bulgare (1938–1940). Cluj-Napoca : Editura Napoca Star, 2010. 475 p.
17. Ungureanu George. Problema Cadrilaterului în contextul relațiilor româno-bulgare (1919–1940). Brăila: Muzeul Brăilei : Editura Istros, 2009. 456 p.

УДК 930(476):94(093)(470) «19»

РЕЦЕНЗИИ В.И. ПИЧЕТЫ В ЖУРНАЛЕ «ГОЛОС МИНУВШЕГО»

А.С. Хотеев

*Белорусский государственный университет
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь; hoteev@tut.by*

Предметом изучения являются особенности публикаций В.И. Пичеты как рецензента и историографа. Московский период деятельности историка в 1911–1920 гг. остается малоизученным, а это было время его активной публицистической деятельности. В журнале «Голос минувшего», издававшегося в Москве в 1913–1923 гг., выявлена двадцать одна статья его авторства. Публикации структурированы по тематическому и функциональному признакам. Уточнены и дополнены имеющиеся в справочной литературе сведения по библиографии статей В.И. Пичеты. Рецензии посвящены книгам и статьям по истории России